

выясняется; изъ этой передѣлки выходить, что онъ добродушный, веселый малый, котораго надуетъ Берникъ; роль Дины такъ сокращена, что сдѣлалась совершенно безцвѣтной. Въ общемъ все это мало поучительно и мало интересно; но интересно и поучительно то, что въ Германіи положительно не понимаютъ сложныхъ характеровъ этой пьесы. Въ театрѣ Belle-Alliance роль Гильмара Теннесена играется, не смотря на отсутствіе сокращеній, столь же плохо, какъ и въ Stadt-Theater. Рецензентъ „Vossische Zeitung“ характеризуетъ эту роль, какъ роль добряка и весельчака и, очевидно, находитъ ее весьма симпатичной. Это происходитъ частью отъ того, что напускная храбрость лѣнивыхъ натуръ, смѣшанная съ претензіей высоко держать знамя идей—явленіе, неизвѣстное въ настоящее время въ Германіи; главнымъ же образомъ потому, что въ Берлинѣ не привыкли еще относиться съ уваженіемъ къ литературамъ сѣвера, что одно влекло бы за собой серьезное изученіе ихъ, а причину тому, въ свою очередь, должно искать въ глубокой разницѣ въ образѣ проявленія страстей у сѣверянъ и у нѣмцевъ.

Датско-норвежская литература, которой положено основаніе юмористомъ Людвигомъ Гольбергомъ, имѣетъ въ основаніи своемъ сатирическое направленіе, а духовная жизнь нѣмца всегда облачается въ извѣстную форму торжественности. Поэтому въ художественномъ стилѣ нѣмцевъ обнаруживается чуткость къ возвышенному, чего совершенно не достаетъ датчанамъ; въ сѣверянѣ наоборотъ, замѣтна склонность къ сухому, рѣзкому юмору, котораго въ Германіи и не понимаютъ, и не замѣчаютъ въ сѣверныхъ комедіяхъ. Въ каждомъ переводѣ съ норвежскаго или датскаго на нѣмецкій языкъ теряется вся соль остроумія, и наоборотъ, всѣ выраженія для высокаго, ужаснаго и дикаго звучатъ крайне слабо. Вотъ почему пропаль и юморъ въ „Столпахъ Общества“ въ исполненіи берлинскихъ театровъ.

Въ исполненіи есть, однако, многое достойное вниманія. Ганъ придаетъ роли консула Берника такой отбѣнокъ, что все грязное, преступное и унижающее, благодаря чему типъ этотъ является у автора столь отвратительнымъ, смывается покровомъ свѣтскости и изящества, которыя придавъ этой роли Ганъ и спасъ ее тѣмъ отъ презрѣнія публики. Дѣлалось понятно, что консулъ Берникъ въ свое время слыть „красавцемъ“. Какъ ни низокъ онъ нравственно, но и низкое было въ немъ изящно; онъ вездѣ соблюдаетъ хорошій тонъ, даже когда ворчитъ и говорить нелѣпости женѣ; говорить онъ тогда въ полголоса и какъ бы вскользь, также и въ жестокомъ обращеніи своемъ съ Ауномъ онъ грозитъ